ДРАМА В ТЕАТРЕ

ТЕАТР ОПЕРЫ И БАЛЕТА В ЗЕРКАЛЕ ПИСЕМ И ЖАЛОБ

Ваше право — писать, жаловаться. Но видите — жалобы приходят и нам, заявили мне в Министерстве культуры республики.

Верно, моя жалоба на руководителей Министерства культуры оказалась, пройдя несколько инстанций, в... Министерстве культуры. (Выдержаны все правила прохождения жалоб «застойного» времени и в наши дни перестройки).

Ну да ладно! Главное в том, что мой брат, заслуженный артист Азербайджанской ССР Ниджат Меликов был доведен нездоровой системой человеческих отношений в Театре оперы и балета, равнодушием руководителей Министерства культуры до отчаяния, полного разочарования в жизни.

В конце прошлого года моего брата вызвали к себе сначала заместитель министра культуры М. Зиядов, а затем министр З. Багиров и уговаривали его освободить пост главного хормейстера театра. Взамен заявления «по собственному желанию» ему было обещано звание народного артиста республики. Об этом Ниджат рассказал по возвращении из министерства нам, своим родным, об этом узнали от него все хористы, коллеги по театру. Наивный, доверчивый брат мой ждал. На него в театре обрушивались удары, может, и мелкие, но чувствительные для души страдающего от потери должности человека. И — трагический финал.

Гибель брата объединила меня с его товарищами. Я принимала участие в коллективных разбирательствах их писем в разные инстанции, узнавая все больше об атмосфере бесчеловечности и безнаказанности в театре. И не удивительно, что там умерли «своей смертью» еще трое.

Когда меня вызвали в министерство, я думала — будут сочувствовать, извиняться, что невольно так получилось... Я бы поняла, ведь никто не хотел, не предполагал этого. Но услышала от заместителя министра М. Зиядова: «Видите — жалобы приходят к нам...».

Ваша газета — моя последняя надежда. Сейчас же нет «запретных тем». Напишите о том, что с человеком надо обращаться крайне осторожно.

З. НАДЖАФОВА.

Не письмо — крик отчаяния. Оно подняло с новой силой боль, которая не отпускает нас с того рокового вечера 4 января...

Сверкал великолепием архитектуры только открывшийся тогда восстановленный оперный театр. Зрители, пришедшие на спектакль «Кер оглу», в окружении «музыки застывшей», как называют архитектуру, с интересом слушали музыку живую... В тот самый миг, когда хор исполнял плач крестьян над Алы, ослепленным по воле жестокого хана, в безмолвии одной бакинской квартиры уходил из жизни человек. Опытный художник, подготовивший к премьере и «плач», и все остальные хоровые сцены оперы, умирал страшно, кончая жизнь самоубийством.

Испокон веков такая смерть считалась «противной людям и богу». Осуждая самоубийство и сейчас, попытаемся разобраться, что могло побудить к этому человека, ценой больших усилий воли поднявшегося за год до того после инфаркта миокарда.

Конечно, нельзя задним числом взять на себя смелость говорить о полной картине душевного состояния человека. Но то, о чем пишут в редакцию, о чем говорят его коллеги, нельзя сбрасывать со счетов.

«Н. Меликов не выдержал груза незаслуженных обид. Он ушел из жизни, выразив свой протест против наследия эпохи застоя», — пишут 23 деятеля музыкального искусства, утверждая, что «в последнее время одним из самых взрывоопасных творческих учреждений, неблагополучных по числу внутренних распрей стал Театр оперы и балета».

Да, действительно, пять лет, пока реконструировалось после пожара здание, коллектив трудился вполсилы, скорее — в четверть силы. И в этом главная вина администрации, тогдашнего, благополучно ушедшего из театра директора Азера Рзаева, не сумевшего обеспечить условий для нормальной деятельности труппы. Жалобы на отсутствие помещения для показа спектаклей, репетиций и уроков, на неудобства, связанные с восстановлением здания, были надежным прикрытием бездеятельности администрации, творческих работников.

Работа спустя рукава, а тем более полное ничегонеделание привели людей к «деятельности» иного плана — сколачиванию блоков, интригам, к «сражениям», в которых никто не щадился.

Когда же надо было показать достижения театра на торжественных республиканских концертах, в Москве или за рубежом, выставлялись лучшие его представители — народные артисты СССР Фидан Касимова, Зейнаб Ханларова, Лютфияр Иманов, народные артисты республики Хураман Касимова, Рауф Атакишиев и некоторые другие. Их талант и мастерство были для театра надежным щитом, которым загораживалась неприглядная закулисная сторона жизни творческого коллектива.

Все это вполне устраивало и прежнее партийное руководство республики, которое культивировало приписки не только в экономике. Чиновники от культуры, жаждавшие славы и знамен, создавали таким образом видимость «ренессанса».

Долгих пять лет ждали бакинцы открытия театра, и вот в январе он распахнул свои двери. Но почему спектакли должны идти два-три раза в неделю? Почему театр к открытию не подготовил целую серию новых постановок? Ведь сколько театров страны оказывалось в подобном положении, но ни один еще коллектив не додумался до такого «мягкого» режима работы. И вот огорчительные результаты — спектакли «Кер оглу», «Обручение в монастыре», «Князь Игорь» и другие шли при полупустом зале. На совсем недавнем спектакле «Севильский цирюльник» в тысячеместном зале было 50 слушателей (гораздо меньше, чем артистов на сцене и в оркестре). Не занимался театр подготовкой зрителя все пять лет, пренебрегал и пренебрегает по сути дела им сейчас, и зритель отвечает ему тем же. Нередко зрители, все же пришедшие в театр, осмотрев здание, уходили со спектаклей, подготовленных наспех, идущих на невысоком художественном уровне. Бывает, что касса продает на спектакль 10 билетов. И если как-то в этот вечер заполняется зал, то это — личная заслуга предприимчивого директора-распорядителя Акифа Меликова.

Не оправдала себя кадровая перестановка в театре в канун его открытия. Директором театра стал народный артист СССР Лютфияр Иманов, уже работавший на другом сложнейшем участке — председателем Союза театральных деятелей, не считая его актерской, преподавательской работы. Дирижером театра стал тоже очень занятый человек — главный дирижер Государственного симфонического оркестра имени Узеира Гаджибекова народный артист республики Рауф Абдуллаев. Главным хормейстером... Впрочем, об этом подробнее.

— В канун открытия театра пришел на собрание министр культуры З. Багиров, который стал говорить об ответственности творческих работников. Но запланированного разговора не получилось: то один, то другой представитель хора просили слова, чтобы сказать, что никакой другой, кроме Н. Меликова, главный хормейстер не нужен, — рассказывает народная артистка республики Г. Гасанова. — Они все старались довести до сведения министра содержание своего письма-протеста, подписанного 52 хористами... За все пятьдесят лет работы в театре я не видела такого единодушия — каждого оратора из хора активно поддерживали товарищи.

Один из авторов этих строк, присутствовавший на том собрании, был свидетелем того, что ни гневные окрики, ни упреки в неумении вести себя не оказывали влияния на протестующих.

Казалось, у министра культуры З. Багирова был один выход — пойти навстречу коллективу, что было бы вполне в духе времени. Но... через неделю труппе был представлен новый главный хормейстер, ничего общего с оперным театром не имеющий, — Л. Атакишиева. И не задумывались работники министерства над тем, какое недоброе дело они творили, убивая в людях веру в справедливость, в роль коллективного мнения.

Это убило надежду прежде всего у Ниджата Меликова, у многих из 52, подписавшихся под письмом. Люди есть люди! Кто-то, робкий, дрогнул, стал приспосабливаться к новому руководству, кто-то, получив прибавку к небольшой зарплате, отступился, кто-то, подумав о приближении своего пенсионного предела, отводил глаза, а кто-то позволял себе с меньшим почтением разговаривать с Меликовым, зло шутить:

— Звания ждешь? Ну что ж, жди! А пока трудись под руководством выдающегося главного хормейстера...

К сожалению, в театре не нашлось друга, кто бы успокоил, душевно посоветовал: может, и пора уйти, себя поберечь... Все же возраст, болезнь. Не нашлось друга, кто бы добился внимания к человеку, заслужившему его. Получилось все наоборот.

В день торжественного открытия театра, 3 января, Меликова не пригласили на сцену, где стояла среди самых уважаемых деятелей коллектива, успевшая получить звание, его счастливая преемница.

Со словами «Нет справедливости на земле» он ушел из жизни. Снова бунтовал хор, певший на кладбище раздирающий душу «Шеби хиджран» из оперы «Лейли и Меджнун».

— А знаете, кто помогал начальству усмирить нас, артистов хора? — говорит Ричард Бадалов. — Секретарь партийной организации, народная артистка республики Рафига Ахундова.

Сторонница «жестких мер», она не раз возглавляла акции по борьбе с «инакомыслящими», неугодными начальству или ей лично работниками — будь то Наиля Назирова, Владимир Плетнев, Чимназ Бабаева, Рауф Керимов, Гюльхар Гасанова и другие. Мы далеки от идеализации всех противников Ахундовой, но не можем не признать, что методы ее руководства партийной организацией явно не соответствуют духу времени. «Рецидивом эпохи застоя» названы были они в статье «Пустые разговоры», опубликованной 26 сентября 1987 года на страницах «Советской культуры» (статья принадлежала перу одного из авторов сегодняшнего материала). Театр, его коммунисты позволили себе «не обратить внимания» на это выступление газеты ЦК КПСС.

Вызвала удивление реакция на статью руководителей Насиминского райкома партии. В частных разговорах, да и в «присутственных местах» (однажды первый секретарь райкома А. Джалилов с критической речью выступил на партийном собрании в театре) работники райкома выражали свое недовольство положением дел в творческом коллективе. Но дальше слов не пошли. Не напомнил райкому о том, что не годится в наше время игнорировать материалы прессы, ЦК КП Азербайджана, его бывший секретарь Р. Мехтиев.

А безнаказанность всегда воодушевляет, рождает вседозволенность.

«После худсовета, выдвигавшего на соискание Государственной премии республики балет «Бабек», 7 января его балетмейстер Р. Ахундова обрушилась на Владимира Плетнева, посмевшего высказать ряд критических замечаний», — писала в редакцию заслуженный деятель искусств республики, лауреат Государственной премии СССР Н. Назирова, свидетельница этого «творческого разговора».

Одновременно секретарь парторганизации решила «поставить на место», «спустить на ступеньку ниже» Н. Назирову. В результате Н. Назирова обратилась с просьбой защитить ее в Насиминский райком партии, в Министерство культуры, а затем написала заявление об уходе с работы.

Страшно читать сейчас предсмертное письмо В. Плетнева, где он, позабыв о собственной обиде (удивительное свойство истинно благородного, интеллигентного человека!), вступился за коллегу:

«7 января парторг Р. Ахундова нанесла балетмейстеру Н. Назировой ряд оскорблений: дискредитировала ее как специалиста... обвиняла в присвоении чужих знаний в процессе создания балетных спектаклей, цинично высказывалась по поводу присуждения Н. Назировой Государственной премии СССР... Констатируя эти факты, я хочу подчеркнуть, что Н. Назирова — балетмейстер высокой квалификации. Это подтверждаю я как танцовщик, участвовавший во многих ее постановках...».

«Инстанции» на заявления Назировой не реагировали, не решались вмешаться, разобраться в конфликте, успокоить несправедливо обиженных, вразумить виноватых. Промедление смерти подобно — сколько раз мы убеждались в правоте этой жестокой истины.

— Атмосфера не разряжалась, а все больше накалялась, хрупкий, подорванный болезнью организм Володи не выдержал напряжения, — горестно скажет 21 февраля жена Плетнева, народная артистка республики Чимназ Бабаева.

История этой вражды имеет многолетние корни. В № 10 журнала «Огонек» за 1987 год был опубликован очерк, где рассказывалось о В. Плетневе, прекрасном танцовщике, педагоге-репетиторе, мужественном человеке. Здесь же приводились его рассуждения о проявлении бездушия, порой жестокости в актерской среде, о серости, окружающей талант, о врагах, «загримированных под друзей».

В ответ в журнал полетело из Баку письмо, подписанное 14 работниками театра, где утверждалось — «репетитор без ног — это нонсенс». Письмо было полностью опубликовано, а рядом его опровергало другое письмо, подписанное 41 артистом того же Театра оперы и балета, высказывания ряда выдающихся деятелей советского балета. Подборка под названием «Не нонсенс, а подвиг» со страниц популярнейшего издания (№ 38) стыдила людей, забывших «о милосердии, элементарной порядочности, тактичности». Редакция журнала обращалась к Министерству культуры Азербайджана с просьбой принять необходимые меры к разрешению конфликтной ситуации. Но и в этом случае Министерство культуры, которое без должного внимания относится к прессе (о чем говорилось, кстати, в «Бакинском рабочем» в статье «Министерские отписки»), не приняло мер.

Смерть Владимира Плетнева тоже не стала ни для кого уроком. Под некрологом, опубликованным в газетах, стояли подписи тех, кто подписался под письмом в «Огонек», порочащим В. Плетнева. Какое кощунство!

Было там имя и В. Ахундова, молодого танцовщика, которого В. Плетнев, растирая в кровь обрубки ног протезами, часами готовил к Всесоюзному конкурсу артистов балета. В. Ахундов стал лауреатом конкурса, он публично заявлял, что своим успехом обязан учителю. И вот благодарность...

Под письмом в «Огонек» и под некрологом стояла также подпись секретаря партийной организации театра Р. Ахундовой.

Много жалоб было отправлено деятелями культуры Азербайджана в различные инстанции в связи с трагедиями в театре. Копии нескольких таких писем у нас в руках.

В одном из них народный артист республики, лауреат Государственной премии СССР, композитор, заведующий кафедрой хорового дирижирования Азгосконсерватории Дж. Джангиров со своими коллегами — заслуженными деятелями искусств Э. Наврузовым, Л. Фроловой, З. Исмайловой, С. Агаевой, Н. Мардановым, Ф. Алиевым, Н. Чумаковым, Э. Вакиловой пишут о вопиющей несправедливости, проявленной по отношению к Меликову. Они утверждают, что Л. Атакишиева, «обладающая низкими профессиональными качествами», «профессиональной некомпетентностью», не имеет никаких прав, ни моральных, ни творческих, на пост главного хормейстера театра...

Глубокое возмущение самой атмосферой, царящей в искусстве республики, порядками в Министерстве культуры, «глубоко порочными методами, применяемыми в кадровой политике, идущими вразрез с духом перестройки, гласности, демократизации», пронизывает письмо (о нем уже шла речь), подписанное 23 деятелями музыкального искусства, композиторами, заслуженными деятелями искусств Т. Бакихановым, Н. Мамедовым, З. Багировым, заслуженным артистом А. Меликовым и другими.

Не случайно в этой атмосфере некоторые люди, уверовав в безнаказанность зла, из страха за свое благополучие совершали неблаговидные поступки, шли на сделку с совестью, разного масштаба предательства. И среди них — решение двух ведущих работников — дирижера и певца покинуть родину.

Трудные дни переживает театр. В таких условиях коллективу тем более необходимо найти силы для разумного решения споров и конфликтов, сделать все для того, чтобы в новом, красивом здании поселилось столь же прекрасное искусство. Не получилось. Театр живет двойной жизнью. Внешней — сверканье люстр, оптимистически - помпезные речи руководства на собраниях, и внутренней, где запрятан комок противоречий, жгучего недовольства. Вот-вот он вскроется... Недавно в «Бакинском рабочем» народный артист республики, первый секретарь правления Союза композиторов Акшин Ализаде в статье «Художник и жизнь» писал, что из-за жестоких нравов в искусстве, из-за конфликтов и распрей мы безвременно потеряли Кара Караева, Фикрета Амирова, Ниязи, Султана Гаджибекова. Трагедии продолжаются. Не надо больше трагедий... История нам этого не простит!

С. МИРЗОЕВА,
Ф. МУСТАФАЕВ.